

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

K voprosu o jazykovej interferencii: usvoenie pozicionnych glagolov rusko-niderlandskimi det'mi

Peeters-Podgaevskaja, A.V.

Publication date

2012

Document Version

Final published version

Published in

Problemy ontolingvistiki - 2012: materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii, posvjaščennoj 130-letiju so dnja roždenija K. I. Čukovskogo i 120-letiju so dnja roždenija A. N. Gvozdeva, 24 - 26 aprilja 2012 g., Sankt-Peterburg

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Peeters-Podgaevskaja, A. V. (2012). K voprosu o jazykovej interferencii: usvoenie pozicionnych glagolov rusko-niderlandskimi det'mi. In T. A. Krugljakova (Ed.), *Problemy ontolingvistiki - 2012: materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii, posvjaščennoj 130-letiju so dnja roždenija K. I. Čukovskogo i 120-letiju so dnja roždenija A. N. Gvozdeva, 24 - 26 aprilja 2012 g., Sankt-Peterburg* (pp. 520-525). Zlatoust.

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

А.В. Пеетерс-Подгаевская (Амстердам, Нидерланды)

К вопросу о языковой интерференции: усвоение позиционных глаголов русско-нидерландскими детьми

Степень владения ребенком несколькими языками определяется многочисленными внутрилингвистическими и экстралингвистическими факторами. Сосуществование двух и более языков в сознании одного индивидуума может выражаться как в их взаимном обогащении, так и в смешении, подавлении одним языком другого, в обеднении и даже (частичном) забвении последнего. К наиболее важным разновидностям языковой интерференции (*language transfer*) исследователи относят морфонологи-

ческую и лексическую интерференцию. Наряду с доступом в ментальном лексиконе, знание отдельного слова в языке предполагает собой и знание его морфонологических, синтаксических, а также семантических, сочетаемостных, прагматических и стилистических характеристик (Jarvis & Pavlenko 2008: 75). Понятно, что в двуязычном ребенке некоторые аспекты владения отдельным словом не всегда представлены в полном объеме.

В этом отношении позиционные глаголы представляют особый интерес. Называя в своем прототипическом значении определенный способ расположения человека и предмета в пространстве, они совмещают как универсальные представления о пространственной ориентации, свойствах и параметрах предметов, так и конвенциональные, специфические для отдельного языка. Владение данными глаголами поэтому не является лишь проблемой языковой компетенции, но связано и с когнитивными представлениями, нашим знанием о мире. И здесь взаимовлияние двух языков может проявиться с особой полнотой.

В русском и нидерландском языках каноническая локативная ситуация описывается с помощью аналогичных в обоих языках позиционных глаголов (*стоять/staan*, *лежать/liggen* и *сидеть/zitten*). В своих прототипических (не метафорических) значениях глаголы *стоять/staan* и *лежать/liggen* сопоставимы. Так, *стоять/staan* относятся к самого разного рода вертикально ориентированным, вытянутым объектам, а *лежать/liggen* ассоциируются с плоскими, горизонтально ориентированными объектами (см. Рахилина 2000: 286). Кроме того, *стоять/staan* употребляются в локативных ситуациях, когда актуализируется соответствие между пространственной ориентацией предмета и его функцией (например, *Чашка стоит на столе/Een kopje staat op tafel* – т.е., готова к использованию), а глаголы *лежать/liggen* ассоциируются с идеей покоя, несоответствия положения предмета его функции (ср. *Чашка лежит на столе/Een kopje ligt op tafel* – т.е., опрокинута). Однако между языками есть и некоторые, маргинальные, различия в употреблении позиционных глаголов, связанные с несовпадением в языках фокуса внимания. Так, в русском *Лодки стоят у причала*, в то время как в нидерландском *De bootjes liggen aan de steiger* (букв. ‘Лодки лежат у причала’). Если в русском языке в данном случае подчеркивается готовность предмета к выполнению предназначенной для него функции (функциональность), то в нидерландском – пространственная, горизонтальная, ориентация.

Дихотомия признаков ‘горизонтальность – вертикальность’ нарушается позиционным глаголом *сидеть/zitten*, который описывает некое про-

межуточное, “сложенное” положение человека или предмета, подчеркивая прежде всего их фиксированность в пространстве (Рахилина, Lemmens 2003: 316). Однако сочетаемостные возможности русского *sидеть* и нидерландского *zitten* совпадают далеко не полностью. Так, наряду с общей для обоих языков идеей погружения/плотного контакта со средой (*Гвоздь сидит в стене/De spijker zit in de muur*), в нидерландском глаголе *zitten* присутствуют такие семантические компоненты значения, как “плотный поверхностный контакт” (*De pleister zit om de vinger* ‘Пластырь на пальце’) и “слабо фиксированное расположение в контейнере” (*De cola zit in de fles* ‘Кола в бутылке’) (Рахилина, Lemmens 2003: 319).

Понятно, что такие различия между, во многом сходными, глаголами могут влиять на их усвоение и употребление двуязычными детьми. Целью данного исследования является определение степени языковой интерференции у двуязычных русско-нидерландских детей в выборе позиционного глагола при описании довольно канонических локативных ситуаций.

Методика проведения эксперимента. В эксперименте (*picture matching task*) приняли участие 10 симультанных билингвов в возрасте 9;6-10;0 лет. Для чистоты эксперимента все испытуемые были разделены на две группы: сбалансированные билингвы (50% времени говорящие по-русски) и несбалансированные билингвы (25%-30% времени говорящие по-русски). Всем участникам было предложено три набора карточек, изображавших канонические локативные ситуации, предполагающие употребление того или иного позиционного глагола. Внутри набора порядок показа карточек был фиксированным. Тестирование на русском и нидерландском языках проводилось с интервалом в одну неделю. Выбор языка в момент тестирования был произвольным.

За основу были взяты контексты употреблений нидерландских глаголов: 14 с *liggen*, 14 с *staan* и 21 с *zitten*, не всегда совпадающих с русскими контекстами. Экспериментатор показывал испытуемым карточки, а те должны были употребить глагол, наиболее точно отражающий, по их мнению, положение объекта на картинке. Поскольку в предшествующей эксперименту инструкции экспериментатор не называл глаголов, с помощью которых дети должны были описывать ситуации, участники были совершенно свободны в своем выборе. (Ситуации, однако, были настолько очевидны, что они автоматически ассоциировались с позиционными глаголами.) Внимания на грамматическую правильность построения ответа не обращалось. Продолжительность тестирования на обоих языках

заняла в среднем 30 минут. Все ответы были записаны на звуко-записывающее устройство, а затем проанализированы экспериментатором.

Анализ экспериментального материала. Результаты эксперимента представлены в ниже приведенной таблице.

Табл. 1.

**Правильное употребление позиционных глаголов
в русском и нидерландском языках.**

Группа	Возраст	Кол-во (N)	лежать (%)	liggen (%)	стоять (%)	staan (%)	сидеть (%)	zitten (%)
сбаланс.	9;6-10;0	5	90	92	83	86	40	68
несбаланс.	9;6-10;0	5	92	85	87	82	43	56

Полученные данные показали следующее.

Во-первых, при описании канонических локативных ситуаций у детей практически не возникало проблем с употреблением глаголов *лежать/liggen* и *стоять/staan*. Дихотомия признаков ‘горизонтальность – вертикальность’ усвоена достаточно хорошо. Ошибки встречались в тех случаях, когда внимание обращалось не на соответствие положения объекта выполняемой им функции, а на его пространственные параметры и ориентацию. Так, в стимуле *Het dorpje ligt aan de voet van de berg* (букв. ‘Деревня лежит у подножия горы’), только один участник выбрал правильный глагол *liggen*, все остальные предпочли *staan*, эквивалент русского *стоять* (ср.: Деревня стоит у подножия горы). В русском языке неправильный глагол *лежать* был использован при описании ситуации нахождения лодок на поверхности воды (два участника из группы несбалансированных билингвов допустили здесь ошибку). Та же ошибочная интерпретация отмечена в обоих языках и при описании расставленных на столе тарелок или тувель, стоящих под вешалкой в коридоре, где более адекватным был бы выбор глаголов *стоять/staan*, а не *лежать/liggen*, поскольку здесь в первую очередь подчеркивается соответствие ориентации предмета выполняемой им функции. Как видим, этот компонент значения двуязычными детьми 9-10 лет усвоен еще в недостаточной мере.

Во-вторых, как и ожидалось, у двуязычных детей возникали проблемы с интерпретацией ситуаций, ассоциируемых с достаточно сложными глаголами *sидеть/zitten*. Поскольку основой для отбора ситуаций являлись контексты нидерландского глагола, в описании локативных ситуаций последовательно должен был употребляться глагол *zitten*. Однако его адекватное употребление в нидерландском языке отмечено лишь в 68% случаев у сбалансированных билингвов и в 56% случаев у несбалансированных билингвов. (Только у одной девочки не допущено ни одной ошибки.) Процент правильных ответов в русском языке еще ниже и колеблется между 40% - 43%. Данные результаты в некоторой степени оказались неожиданными, поскольку мы исходили из того, что у сбалансированных билингвов будут более высокие показатели в русском языке по сравнению с несбалансированными, а те в свою очередь продемонстрируют лучшее знание употреблений глагола *zitten* в своем доминантном языке.

В-третьих, анализ ответов показал, что при выборе глагола дети руководствовались прежде всего конкретной физической ориентацией предметов в пространстве. Ситуации, связанные с языковой спецификой или амбивалентной интерпретацией пространственного расположения объекта, как правило, вызывали затруднения. Так, трудности в выборе правильного глагола возникли при описании канонического положения насекомых и земноводных, а также нахождения предметов в контейнере: в обоих языках встретились все три позиционных глагола. Поэтому гусеницы могли лежать на листе, а книги стоять в сумке. В ситуациях же условной фиксированности в пространстве явно прослеживалась языковая интерференция, причем в обоих направлениях. С одной стороны, ситуации плотного поверхностного контакта, исключаящие в русском языке употребление глагола *сидеть*, последовательно обозначались большинством участников по нидерландской модели. Так, пластырь на руке или кольцо на пальце “сидят”. (Только один испытуемый не допустил ошибок в данных контекстах.) С другой стороны, при описании расположения предметов в контейнере заметно обоюдное влияние языков друг на друга. Например, обозначая положение книг в сумке, туфель в коробке или столового прибора в ящике, дети прибегали к русской модели с глаголами *лежать/liggen*, в то время как положение кольца в коробочке обозначалось по нидерландской модели с помощью глаголов *сидеть/zitten*. Интересно, что у трех участников отмечена взаимная интерференция языков: в русских примерах употребляется эквивалент нидерландского глагола, а в нидерландских примерах – эквивалент русского глагола.

Таким образом, при выборе позиционного глагола двуязычные русско-нидерландские дети 9-10 лет руководствуются в первую очередь конкретной физической ориентацией предмета в пространстве, что может расходиться с принятыми в языках конвенциями. В тех же случаях, когда локативные ситуации не предполагают непосредственного указания на способ расположения, возникают ошибки в выборе глагола. Особенно языковой интерференции подвержен глагол *сидеть/zitten*, в котором семантической доминантой является не столько ориентация, сколько фиксация положения в пространстве. Данные показывают, что контексты употребления нидерландского глагола знакомы двуязычным детям в большей степени, хотя еще и недостаточно, знание же русского глагола крайне ограничено. Такие компоненты значения, как “плотный поверхностный контакт” и “слабо фиксированное расположение в контейнере” нидерландского глагола генерализируются и переносятся в русский язык. Однако эффект языковой интерференции прослеживается в обоих языках, что подтверждает мысль о взаимном влиянии языков друг на друга вне зависимости от уровня владения ими.

Литература

- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000.
- Рахилина Е.В., Lemmens M.* Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением ‘сидеть’ в русском и нидерландском. // *Russian Linguistics*. – 2003. – № 27. – С. 313-327.
- Jarvis S., Pavlenko A.* *Crosslinguistic influence in language and cognition*. – London and New York, 2008.